

МАРИЯ ТОКАРЕВА

Легенды
Отрезанного
Простора

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т51

Токарева М.

Т51 Легенды Отрезанного Простора / М. Токарева — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 438 с.: илл.

ISBN 978-5-517-11627-7

Степные Орки многие века созерцали Хаос за Барьером, кочуя по бескрайним степям Отрезанного Простора. Где-то за горами жили люди, но орки не променяли бы свой вольный край на тесноту городов. И только вера в Белого Дракона помогала в бесконечных странствиях. Юный орк Адхи готовится пройти обряд посвящения. Но догадывается ли он, с какими трудностями столкнется на пути взросления? Поможет ли ему вера в духов, когда лучший друг сойдет с ума, а младшему брату будет грозить таинственная опасность?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11627-7

© Мария Токарева, текст, карты, 2024
© Марина Ветер, обложка, 2024
© Алина Волошина, Mikado Osprey,
иллюстрации, 2024
© Варя Воронина, Марина Ветер,
леттеринг, 2024
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ЧАСТЬ I. МИР ЗВЕНА

ГЛАВА 1. ЛЕГЕНДА СТАРОГО ШАМАНА

*Мир Звена.
Среди бесконечных степей Отрезанного Простора.*

Степные Орки не помнили, когда пришел древний Змей Хаоса, застивший полнеба. Тогда лишь магический Барьер спас все сущее и океан трав от уничтожения, лишь он давал тепло и свет, потому что солнце погасло навек. Старый мир утонул в бездне небытия, исчез во мраке Хаоса. Да и существовал ли?

Две тысячи лет орки созерцали великий Хаос за магическим Барьером. А может, двести... А может быть, две недели... Время давно кануло в небытие. Его отмеряли лишь заготовки сена для скота и узелки на тугих веревках, которые украшали полог юрты вперемешку с ароматными травами и высушенными костями животных.

— Слушайте, дети, слушайте, — говорил старый шаман Ругон, воскуривая благовонья и раскладывая сухожилья и когти шестипалой собаки на узорной циновке, чтобы духи вложили в его уста сказанья прошлых дней.

Вокруг старика собрались самые юные члены племени, еще не прошедшие воинского посвящения. Подогнув ноги, дети сели полукругом. Поджарые, с бронзово-алой кожей, они уже познавали премудрости выживания в бесконечных степях. В этот день им предстояло услышать священную историю их народа, старинное сказание о самой тайне творения.

Лето клонилось к закату, трава начинала желтеть и высыхать. В начале осени, когда полноту жизни уже незримо трогало мертвенное дыхание зимы, в племени было принято рассказывать детям легенду о противостоянии древних сил. Старейшины и шаманы верили, что она помогает пережить все невзгоды зимы и не впасть в отчаяние.

— То дело далеких дней. Тогда еще не родился дед моего деда, а земля и небо колыхались в сплетенных объятьях посреди молочного океана, — торжественно начал Ругон, ударяя в туюг бубен с узорчатыми кистями.

— Молочного... Он был вкусным? — невпопад пискнул один малыш, Дада, у которого пока даже не прорезались нижние клыки. От фантазий в животе у него заурчало. Но несмышлениша тут же дернул за черные косички старший брат. Адхи, жилистый подросток, через пару лет уже готовившийся ступить на путь воина:

— Тихо ты! Когда говорит шаман, с нами говорят все предки. Не хочешь услышать голос отца нашего отца и отцов всего племени?

Малыш неопределенно замотал головой и сунул в рот палец, покусывая пока еще мягкий сизый коготок. Он пугливо воззрился на старика, который умиротворенно собирал узоры из костей. Шаман не сердчал:

— Спрашивайте, дети, спрашивайте.

— Кто создал молочный океан? — первым подал голос немного оробевший Адхи. Он нервно хватался за узорный пояс, на котором вскоре должны были появиться первые ножны со стальным оружием. Пока мальчишке полагался лишь небольшой туюг лук для охоты на ретивых степных птиц. Сабля... Как же он мечтал получить этот знак взросления! И потому он очень боялся, что прогневает духов неумными вопросами. Но ведь для обучения они и пришли к шаману.

— В давние времена небо и землю сотворил Белый Дракон, — с улыбкой начал Ругон. — В начале времен было гигантское яйцо, плывущее в бесконечном океане. Белом-белом, белее самого белого молока. Океане чистого света.

— Так это не молочный океан... — прошептал непоседливый малыш Дада, но тут же съежился, опасаясь

тумаков от брата. Но старший только нервно сжимал кулаки, жадно ожидая продолжения рассказа.

— И вот однажды мировое яйцо прорезала трещина, скорлупа отворилась, и над водами океана света воспарил Белый Дракон.

— А почему яйцо треснуло? — спросил один из слушателей, веснушчатый крепкий парнишка с длинными нижними и верхними клыками. Ему полагалось вкусить тайны обряда обращения в воина уже грядущей весной. И, конечно, ему хотелось узнать побольше о создании мира, чтобы не оплошать при общении с духами при прохождении посвящения.

— Пришло время. Все в этом мире происходит в свое время, — улыбнулся Ругон, обнажая пожелтевшие, изъеденные временем клыки. — Когда прошла трещина по скорлупе, настало время появиться нашему миру. Ведь есть и другие миры, созданные другими Хранителями. Но о том пусть рассказывают шаманы в своих мирах. Я передам вам лишь то, что говорят духи наших степей. А они помнят рождение Белого Дракона. В тот день они разлетелись из осколков скорлупы и с тех пор хранят эту память. Память важнее времени. Да... Да, духи помнят, как создавали над океаном света океан травы. Белый Дракон осматривался, желая найти место, куда ему приземлиться. Трепет его крыльев взбил гладь молочного океана, и на поверхности начали появляться бугорки, из них-то потом и появились острова и материки. Хранитель же нашел высокую гору, обернулся вокруг нее длинным телом, укрылся крыльями с мягким опереньем и, утомленный, заснул на несколько веков, пока молочный океан успокаивался и материки обретали форму. Когда он открыл глаза, то увидел лишь голые камни посреди огромного ничто. Тогда-то он вновь взмахнул крыльями, и пар, курящийся над океаном, взвился ввысь, создавая облака и небосвод. В тот миг небо отделилось от земли. А духи-из-скорлупы помогли Белому Дракону выстлать мягкие ковры травы, которой по сей день питаются наши стада. И взошел новый океан, зеленый океан.

— А как мы появились? Степные Орки, — мерцая оранжевыми глазами, воодушевленно вопрошали со-

бравшиеся ребята. Ругон удовлетворенно кивал. Эти вопросы повторялись из года в год много лет, а он каждый раз повторял старинную легенду о создании миров.

— Белый Дракон решил, что океан травы слишком тих и однообразен. Тогда он создал животных, которые принялись есть свежие побеги. Белый Дракон наблюдал за ними и радовался, но вскоре он вновь заснул на своей скале. Но когда проснулся, увидел, что океан травы почти съеден, а животные сотнями умирают от голода. Тела их лежали на голых камнях, молочный океан бурлил от их крови. Тогда Белый Дракон подумал и с болью в сердце создал хищников, которые бы поедали тех, кто питается травой. Потом он сотворил птиц, чтобы наполнить мир поднебесья песнями, и рыб, чтобы в молочном океане тоже была жизнь. И вот тогда-то настало великое равновесие. Утомленный Хранитель снова погрузился в сон. А пока Дракон отдыхал, порядок в мире поддерживали духи-из-скорлупы, обратившиеся легкокрылыми насекомыми. Да-да, малыш, если в следующий раз побежишь за стрекозой, подумай — может быть, тебя ведет крошечный дух.

— Зачем же ему понадобилось создавать нас? Раз ему все нравилось в мире, — дивились юные слушатели. Ругон задумчиво перекладывал шаманские талисманы и сухожилья по цветной циновке и напевно продолжал:

— Белый Дракон спал и видел чудесные сны. Просыпался — и видел чудесный мир, пришедший, цветущий в гармонии. Но что-то мешало его сердцу обрести покой. Он обращался к животным — и те кивали ему, понимали его, но не могли ответить. Он обращался к духам-из-скорлупы — и те отвечали стрекотом крыльев. Но не находилось никого, кто сумел бы говорить с ним на одном языке. Слышать и понимать его слова. А возможно, и спорить с ним. Белый Дракон ощущал одиночество. И тогда он вырвал из своих крыльев перья, а с груди соскоблил сияющие чешуйки. Из них он соткал скелет нового создания. Оцарапав себя когтями, он окропил творение собственной кровью, а потом склонился над ним и сказал: «Вставай! Я назову ваш род Степными Орками, но создам и других, чтобы вы тоже жили в гармонии и мире. И никогда не были одиноки».

— Это поэтому в нашем мире живут эти странные создания... ну... люди? — удивлялся Дада, всплескивая руками и смешно тряся головой, отчего его косички топорщились, как иголки степного бронеежа.

— Да. Белый Дракон не хотел, чтобы мы ощущали то одиночество, которое испытывал он в первые дни творения. Он завещал всем разумным созданиям жить в мире и дружбе.

— Если Белый Дракон такой добрый, почему в мире есть злые? — спросил малыш, вынимая коготок из рта. Адхи уже не одернул младшего, а только встревоженно закивал:

— Да-да, почему? Почему на наше племя этой весной совершили набег Орки Огненной Травы? Почему есть злые люди?

Морщинистое лицо шамана подернулось тенью скорби. Не каждый год его спрашивали так прямо. Глядя на этих детей, еще не вкусивших сполна горести взрослой доли, Ругон молил духов не посылать им встречу с великим злом и всеми его проявлениями. Но духи не всегда слышали, не всех миловали.

— О том и сказ. Все создано добром и добрым изначально, но ни одно творение не обходится без вторжения зла, — вздохнул шаман, гася в юрте огни, и мрачно, почти с отвращением, продолжил: — Где-то в иных далеких мирах существовало другое яйцо. Такое же гигантское, но черное и плывущее в океане вечной ночи, мрака. И из него однажды, не в назначенный час, не в положенное время, вырвалось иное создание. Змей... Змей Хаоса. Чем-то он напоминал Белого Дракона, но нет-нет, не смейте их сравнивать. Одно их отличало, одно и самое важное: Змей Хаоса был чужд творению и созиданию. Сама его природа не позволяла создавать жизнь. Он мог лишь разрушать и поглощать, жадно насыщаясь чужими творениями. Он поглощал миры, уничтожал созданное Хранителями и самих Хранителей, но не мог насытить терзающий его бесконечный голод. Его великую жадность. И однажды он пришел в наш мир. В те далекие времена не существовало еще ни войн, ни злобы, ни предательства. Белый Дракон с тихой радостью следил за своим молодым творением, ко-

торое научилось отвечать ему почти на равных, а порой даже беззлобно спорить. Тогда все дышало добротой и созиданием: люди осваивали ремесла, строили красивые юрты, намного выше и крупнее наших, и не совершали набегов на соседей. Да и зачем? Каждый делился по своей воле, и никого еще не постигла великая жажда алчности. Но вот пришел тот, кто не способен творить. Лишь исказить, нарушать и сеять Хаос. И Белый Дракон вышел на битву.

— И они сражались? Да? И Белый Дракон победил? Победил ведь, да? — оживились воодушевленные слушатели, но Ругон поднял руку, призывая к молчанию.

— Да, дети, они сражались. Многие века в разных обликах, многие столетия Белый Дракон отгонял зло от своего творения, — медленно, как скорбную речь у могилы, проговорил шаман. — Но Змей Хаоса был силен, слишком силен. Его подпитывали все новые и новые миры, которые он разрывал и поглощал. А у Белого Дракона оставался только его несчастный мир, в котором разразилась война. Его создания уже были отравлены ядом Змея. В них поселилась великая злоба. Они забывали о том, что Хранитель создавал их добрыми. Зло застилало глаза, велело соседям захватывать имущество и дома ближних, братьям — сходиться в поединках за наследство, матерям — убивать детей в колыбелях, а сыновьям — подстерегать с ножами отцов. Белый Дракон понял, что поединок со Змеем уничтожит мир, слишком долго он сам вел войну, слишком долго наполнял мир скорбью. А Змей Хаоса лишь больше разрастался, напиваясь чужими горестями. И тогда Белый Дракон вызвал врага на последний поединок и почти одержал верх, заставляя Змея Хаоса отступить, прекратить поглощение миров. Но и сам Белый Дракон рассыпался золотой пылью, ставшей Барьером, защитившим нас от Хаоса. По сей день стоит Барьер. По сей день мы помним о жертве Хранителя и ждем возвращения Белого Дракона, глядя на Хаос по ту сторону.

Юрта наполнилась тягучим дымом молчания. Юные орки опечаленно устали в деревянный настил, кто-то задумчиво перебирал сальные косы, кто-то тяжело вздыхал. Малыш Дада громко зашмыгал носом, неумело скрывая выступающие на глазах слезы.

